

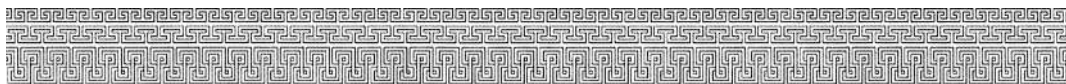
Светлана МАШЕВИЧ — член Московской городской организации Союза писателей России. Автор трех поэтических книг: «Кувшин» (2002), «Прозерпина» (2003), «Быть на земле» (2011). Финалист конкурса «Литературное достояние России» (2013). Награждена орденом «Профессионал России».

* * *

Сквозь шумный двор, где сушится бельё
В загоне крашеном, где пыльная крапива
И лопухи беснуются, жильё
Кирпичное в осаду взяв, где диво
Как хороша, в иголках вся сосновых,
Прогретая трава, где муравей
Взбирается на шишку — видно, новых
Насыпало за зиму, где ветвей
Такое множество, что раскачали небо,
А корни мощные подняли над землёй
Ствол корабельный, и плывёт за мной
Сквозь шумный двор, где больше жизни не был,

Где матушка зовёт уже домой
С балкона в бархатцах пушистых, в старых
Нагромождениях, ещё табак душистый;
Сквозь шумный двор, где босиком по лужам,
А подорожник вылечит все раны,
Бежишь, бежишь, наверно будет ужин

В большой семье; где, с сорняками дружны,
Свистя в стручки акации, давно
Как сорняки растут, возрастая, судьбы,
И ветры бьют в раскрытое окно.

Сквозь шумный двор, вдыхая полной грудью.
И сердце чувствуешь — как будто есть оно.

* * *

Грачи расхаживают по богатой пашне,
И небо расчертили провода
Для всяких птиц. Часы на белой башне
Считают голуби. Лягушки из пруда
Переселились в новые квартиры,
И пенье звонкое несётся из трубы,
Поросшей мохом мягким. Пахнет тиной,
Накрапывает дождик, тёплый, смирный;
Подпрыгнул воробей на мостовой.

Не может быть, чтобы
В гостеприимном мире —
И нет пристанища.
Не может быть того.

* * *

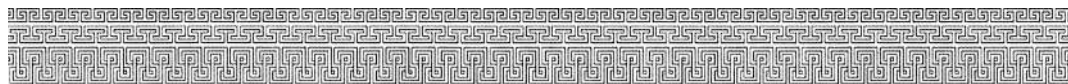
Я называюсь именем, мне место
Заказано под сенью голубой.
Пуškai игра, но я играю честно
Со временем, отпущенным тобой
На воли вольные. Средь бойни, меж лукавых,
Решающих, кто краше и правей,
Я тот, кто знает,

как колючи травы

и у кого

есть козырь в рукаве.

* * *

Лягушье пенье из пруда,
Травы болотная прохлада.
Здесь черпалась ведром вода,
Вода, цветущая для сада.

И водомерки цепкий шаг,
Как посуху; и прут берёзы
Сияет в пыльных камышах,
И белоснежный, и морозный —

В такую-то жару. И скал
Скольжение и осыпанье,
И сумасшедшего песка
Полёт лихой и ликованье.

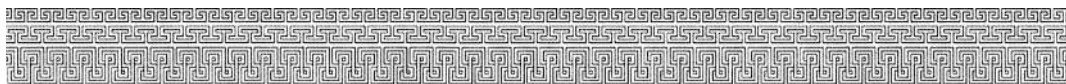
И мой карьер сейчас под ним,
Зарос бурьяном и камнями,
Как прожитые мною дни,
Как жизнь, наполненная днями.

* * *

Светило солнце мне, нарядной и красивой,
Резвился ветер мой, бидонами гремя
У бочки с квасом возле магазина,
И чей-то голос горький *Не покинь*
меня

Шипел в динамике. И воробьи носились,
Верша свои небесные круги.
Иду с мороженым. И были мне по силам
Широкие отцовские шаги.
Трубил оркестр, крутились карусели,
И облака вздымались из лесов,
Как от мангала дым; и в глубине аллеи
Синело озеро, и пройденный песок
Залез в сандалии, но мне... —
туда мне,

На **ч**ортово на это колесо,
Где незнакомый, судьбоносный, дальний,
Метелью занесён, дождями смыт,
Весь город мой: столбы, дома из камня
И тротуары из широких плит.

* * *

Я в этом городе, казавшемся другим,
На этой улице — где не дома, а даты,
Взнесённые камнями из могил,
Я в городе моём жила когда-то

На этой улице, где тополя, как снег,
Летят, летят — и не лететь не будут.
Они влетают в сон, и я во сне
На улице моей, из моего оттуда,

Где за спиной шаги и силуэт в окне,
Где тени от домов путь преграждают мне.

Где каждый ветра вздох и каждый треск ветвей
Следят следы мои на выжженной траве.

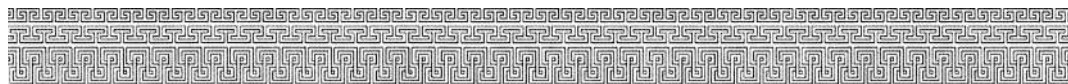
Где призраки надежд с тревогой заодно
И сердцу зябкому доверено одно:

Что дом лишь угол свой, где ты сидишь до света
И вызываешь номер —
Мама.
Нет ответа.

* * *

Марионеточный и звонкий,
Ты, голос, невесомым стал.
И балаганные постройки
Холодный ветер разметал.

Как будто бы, в сопровожденье тени
По лестнице взбираясь со свечой,
Ступаешь в высь, а там — там нет ступени,
Там звёзды разлетаются в смятенье,
И только ночь подставила плечо

Безмолвное,
        как преданный лакей,
Хранящий под ливреей ужас знания;

И чувствуешь на собственной щеке
Истории горячее дыханье.

* * *

Полдня прошло, полвечности упало
На землю смирную и снегом замело.
Нависла туча, и луны не стало.
Горячий лоб, холодное стекло.

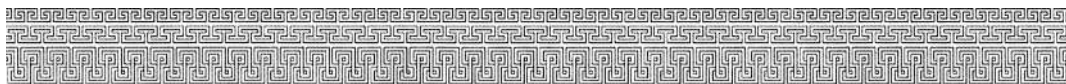
И невозможно отойти ко сну.
Времён канат безжалостен и прочен.
И ночь прижалась к моему окну.
Ей тоже одиноко, бедной ночи.

* * *

Один верблюд, второй идёт, четвёртый...
Песок горячий сыплется у ног.
И бьётся в бок тяжёлым длинным свёртком
Каменьями расшитое сукно,

За шагом шаг всё бьётся в бок верблюжий.
Между горбов протянуты ремни.
А за окном метель. Метель и стужа.
И фонарей дрожащие огни.

И ночь уже как будто на исходе,
И посерело чёрное окно.
А в бурдюках ворчит и тихо бродит
Разбавленное кислое вино.

И тащится ничейная поклажа.
Пылает солнце в призрачной тени.
Их нет, верблюдов тех, они миражи.
Их нет совсем — но как же, вот они:

Шестой идёт, седьмой верблюд, девятый...
Вцепилась в шерсть колючая еда —
Да и запуталась. Эх ты, горбатый!..
Горбатый, рыжий — в общем, как всегда.

Мы скот, мы вьючный скот. Жратва — отравка,
Гогочет в ухо пьяненький злодей:
Погонщику всё — право и расправа,
Всё травля анекдотов и людей.

А мы чем хуже? Сами мы с усами —
Весёлый нынче выдался народ:
И-и-ех, снова живём! И-и-ех, пляшем на вулкане!
Гуляй, босота! И-и-ех, дыра в кармане!
Никто дыру в кармане не зашьёт.

Да ладно — дыры... Как без дыр в хозяйстве?
На свете нашем так уж повелось.
Ведь даже и у боженьки в пространстве
Космическом без дыр не обошлось.

Окно белеет. Светится бумага
На письменном столе. И ты пока что есть,
Моя тревога и моя отвага,
Прекрасная бессонная болезнь.

И станет утро ледяным туманом.
Восстанет ночь — хохочущий обман.
И караван бредёт за караваном,
И караван за караваном,
За караваном караван.

* * *

Я не уйду. Мы снова, как и прежде,
Один народ, и нам нельзя уйти.

Нам не уйти. И зыбкие надежды
На все *долой* волной встают в груди

И заливают грудь. И подвигают сердце
В худом пальтишке выстоять в утра.

Мне б так хотелось где-то обогреться
И государству нашему добра.

И небо застывает бледным светом,
Вершая день, и снег несёт крупой

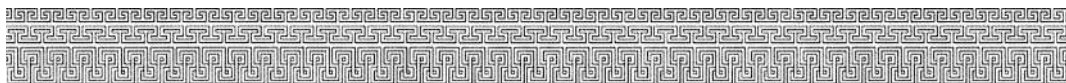
На варежку мою. И бьются с ветром
Мятежные знамёна над толпой.

* * *

По тонкой ниточке, прочерченной твоим
Карандашом решительным, весёлым,
Иду, цепляя воздух. И под ним
Всё зыбким видится и невесомым —

Не то что пар, сгустившийся вокруг
До самых плотных атмосфер, до плоти.
И стая бабочек — моих подруг —
Летит ко мне на ветре-вертолёте.

* * *

Ты лучший мой учитель, боль.

Будь неотвязною, забота,
И изнурительной — работа,
И мёртвым — час на мой покой —
Без сновидений, без желаний.
Я оглушительных мечтаний
Девятый вал, девятый вой
Не в силах удержать иначе.
На все запоры заперт ящик
Моею твёрдою рукой.

* * *

На набережной девушек кадрят,
И, чёрное, кому-то шепчет море.
А под платаном фонари горят
И тень ползёт. Цыганское подворье.

Здесь шали пёстрые медяшками бренчат
И милостыня сыплется в горшки.
Здесь прокопчённый теплится очаг
И в дыме пряном притомились шашлыки.

Здесь на горбу у карлика в лорнет
Макака пялится на пьяную гульбу.
Здесь птичка добрая за сто монет
Мне вытянет нарядную судьбу.

А водоросли тихою змеёй
Повыползали, пенные, из вод.
И море выдыхает сонный зной
И, чёрное, — встаёт, летит, поёт.

